

Закирова Татьяна Валерьевна

преподаватель кафедры философии
и культурологии
Оренбургского государственного университета

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИМИТАЦИИ

Аннотация:

Статья посвящена раскрытию тех функций, которые социальная имитация реализует в рамках социокультурной действительности. Анализ концепций, обобщающих представления об отдельных аспектах существования социокультурной действительности, и осмысление различных проявлений имитационности в жизни общества позволили автору выделить четыре группы социокультурных функций социальной имитации, связанных, соответственно, с сохранением социальными элитами своего статуса, с квазиразрешением кризисов и конфликтов в обществе, со знаково-символическим воспроизводством прежних состояний общества и с формированием неверных представлений людей о действительности, не препятствующих их ориентации в ней.

Ключевые слова:

общество, социокультурная действительность, социальная имитация, социокультурные функции социальной имитации, социально-имитационные практики, субъекты социальной имитации, властные элиты, манипулирование.

Zakirova Tatiana Valeryevna

Lecturer, Department of Philosophy
and Cultural Studies,
Orenburg State University

SOCIOCULTURAL FUNCTIONS OF SOCIAL SIMULATION

Summary:

The article is devoted to those functions that social simulation implements within the socio-cultural reality. The analysis of the concepts generalizing ideas about certain aspects of the existence of socio-cultural reality and understanding of the various manifestations of simulation in the society allowed the author to distinguish four groups of the socio-cultural functions of the social simulation concerning, respectively, preserving of their status by the social elites, quasi-resolving of the crises and conflicts in the society, symbolic reproduction of the former states of the society, and formation of people's misconceptions about reality not interfering with their orientation in it.

Keywords:

society, socio-cultural reality, social simulation, socio-cultural functions of social simulation, simulation and social practices, subjects of social simulation, power elites, manipulation.

Социальная имитация, о функциях которой речь пойдет далее, до недавнего времени почти не привлекала внимания философов. Тем не менее, на сегодняшний день, как отмечает В.В. Ша-лин, сложившиеся представления о ней имеют много оттенков [1]. Анализ этих представлений свидетельствует о том, что существенный вклад в их формирование и упорядочивание внес современный российский философ и социолог Ю.Г. Волков [2]. Социальную имитацию данный ученый трактует «как процесс симулятивной деятельности, создание замещающих или представляющих социальных конструктов, критерием которых выступает эффектность, но не эффективность» [3, с. 52]. Социальная имитация, порождающая конструкты такого рода, входит, по его мысли, во внутреннюю структуру деятельности индивида, главенствуя над реальной действительностью [4]. Заметим, что эти конструкты, массово сформированные по западным образцам и некритически внедренные в современную российскую социокультурную действительность (как, впрочем, и в любую другую, отличающуюся от западной), придают происходящим в ней изменениям и их результатам неопределенность, нарушающую старый порядок и препятствующую появлению нового.

Социальная имитация – процесс субъективированный. С одной стороны, в нем явно отражается своеобразие осуществляющего его субъекта. Однако, с другой стороны, объект-подлинник не может не найти хотя бы минимального отражения в объекте-имитанте. Учитывая наличие двух этих сторон, мы не можем вести речь о полной субъективности социальной имитации. Более корректным здесь окажется использование термина «субъективированность». Изменениям, на которые проецируется субъективированность социальной имитации, может подвергаться все, что относится к социокультурной действительности. В частности, в той или иной степени явные изменения такого рода претерпевает культура в лице своих традиционной, массовой и элитарной составляющих.

Перейдем к обозначению тех функций, которые наиболее явно присущи социальной имитации как компоненту социокультурной действительности.

Как пишет Е.А. Рыбалка, «имитируя, человек подражает, перенимает, учится, играет, действует» [5], что представляет собой неотъемлемую сторону процесса его взаимодействия с ми-

ром. В одних случаях имитационная активность людей является инстинктивной, в других – целенаправленной. При этом имитация, по мысли данного автора, представляет собой универсальное деятельностное начало культуры. Наряду с этим сама культура может быть признана имитацией. Е.А. Батюта, демонстрируя приверженность взглядам такого рода, предлагает трактовку имитации как универсального способа, применение которого позволяет развивать культуру, творя новое посредством специфического воспроизведения уже имеющегося [6].

Как социальные институты, так и личности, выступающие в роли субъектов социально-имитационных практик, зачастую ориентированы на манипулирование сознанием людей. Объясняется это в первую очередь тем, что социально-имитационные технологии обычно обладают значительным манипулятивным потенциалом. Его реализация может так мотивировать рядовых членов общества, что они действуют в интересах социальных элит. Причем это имеет место даже тогда, когда интересы элит категорическим образом расходятся с интересами, объективно присущими им самим. По данной причине социально-имитационные технологии следует признать мощным ресурсом сохранения социальными элитами своего статуса посредством использования склонности людей к фантастическому отображению действительности, к принятию воображаемого за реальное. Стоит заметить, впрочем, что, согласно Г. Дебору, и самими манипуляторами может кто-то манипулировать [7].

Социальные технологии обладают большим набором средств. При этом все большее значение для общества приобретают такие средства, которые допустимо именовать символическими [8]. Символические средства социальных технологий в обозримом будущем могут стать доминирующими. Более того, именно они наиболее гармонично сочетаются с симулятивными реалиями социокультурной действительности.

И.А. Вальдман напрямую связывает кризисные явления, присущие современному обществу, с тем, что многие сферы общественной жизни перенасыщены имитационностью [9]. При этом кризисы не только проистекают из имитационных процессов, но и всем своим существованием способствуют их развертыванию. Как сами социальные кризисы, так и связанные с ними конфликты, а также многие их составляющие нередко становятся объектами имитации. Так, те или иные социальные силы могут целенаправленно конструировать и внедрять в массовое сознание образ врага. Ожидаемые последствия таких коммуникативных социально-имитационных «операций» очевидны: люди отвлекаются от реальных проблем и вступают в борьбу с воображаемым врагом, затрачивая на это свои силы и время.

Большое значение для изменения социокультурной действительности в нужном направлении имеют технологизированные социально-имитационные практики. Воздействуя на людей, они приобщают их, например, к модным вещам, словам, танцевальным движениям, прическам и т. п. Мода позволяет человеку придавать себе чьи-либо личностные черты, причем зачастую здесь нет элемента осознания происходящего. Человек стремится к модному не потому, что не способен не имитировать кого-то другого; модное притягивает его потому, что оно модное, всепроникающее популярное здесь и сейчас. Стремление к модному проникает, в частности, в содержание индивидуального мироотношения, формируя его интенциональность [10]. Что же касается следования моде в реальной жизни, то оно может быть только массовым процессом. Соответственно, если одно и то же параллельно воспроизводится большим количеством людей, то практически все они утрачивают индивидуальность мироотношения, то есть стандартизируются. При этом едва ли не всякий из них «ощущает себя одним из тех бесспорно лучших представителей людского рода, которые постигли высшие идеалы человечества и с едва ли не абсолютной точностью реализуют их в каждый момент своего существования» [11, с. 269].

Ряд мыслей о социальных практиках, эвристически ценных для нашего исследования, высказал Ю.М. Резник. Так, он указывает на то, что социальные практики – это продукт человеческой деятельности, ориентированной на качественные изменения существующей социальной среды. При этом по ходу интенсивной реализации социальных практик происходит увеличение социального капитала их субъектов. Кроме того, полноценная актуализация потенциала социальных практик требует от тех, кто выступает в роли субъектов, не только сознания и воли, но и конкретизированных установок на качественное преобразование социальной среды, которые Резник именуется социальными интенциями [12]. Рассматривая их, он обращает внимание на то, что именно от их специфики зависит, окажется ли человеческая деятельность социальной практикой как таковой, или нет. Если человек действует не активно, а пассивно, если смыслы совершаемого им далеки от его собственных идеалов, то имеет место не что иное, как вовлеченность в практики других субъектов. Об осуществлении социальной практики есть смысл говорить тогда, когда человек выступает в роли субъекта, когда он движим собственными интенциями, когда его выбор и решение осознаны и согласованы с другими субъектами, а их совместная деятельность приводит к качественному изменению жизни [13].

Согласно Ю.М. Резнику, существуют две модели изменений в жизни общества и человека. Стоит заметить, что обе модели воплотимы в жизнь только тогда, когда человек относится к делам общества точно так же, как и к своим собственным. Кроме того, исследователь полагает, что у современного человека есть возможность выбора одной из двух моделей участия в разворачивающихся социальных изменениях. Первая модель – «социальное участие» – является формальной. В рамках нее человек включается в социальные преобразования небескорыстно, с расчетом на получение тех или иных социальных выгод, а также гарантий собственной безопасности. Вторая модель – «социальное служение» – неформальна. Она предполагает, что воспроизводящий ее человек ориентирован на общее благо, что он стремится воплотить в жизнь социальные перспективы посредством актуализации личностного потенциала самого себя и других членов общества [14].

Социокультурная действительность обладает инерционностью, соответствующей ее масштабам. Свойственные обществу социально-ностальгические тенденции способствуют «консервации» его предшествующих состояний, которые символически воспроизводятся в рамках формирующейся социокультурной действительности. При этом символические реалии складывающегося варианта социокультурной действительности оказываются только частичной копией реалий старого варианта. Во многом они создаются и существуют как нечто новое, отличающееся от прежнего. Тем не менее, по ходу разворачивания социокультурных изменений обычно срабатывает механизм подстраивания всего вновь возникающего под основные параметры того, что имело место ранее.

Симулятивные образы, внедряющиеся в общественное и индивидуальное сознание, вытесняют собой те образы, содержание которых соответствует подлинному положению вещей. Это обеспечивает постоянное повышение манипулятивной эффективности социально-имитационных практик, реализуемых в интересах властвующих элит. Что же касается широких народных масс, то их уделом становится состояние хронической отчужденности от всего того, что изначально человекообразно, естественно (несоциогенно), то есть от многообразных связей с природой и другими людьми, с высшими идеалами человечества.

Массой, которая представляет обладающую определенными качествами совокупность индивидов, составляющих социальную общность, как отмечает В.А. Евдокимов, утрачена способность к критическому мышлению как умению глубоко анализировать окружающую действительность, проверять достоверность получаемых сообщений и объективно интерпретировать их, сопоставлять различные мнения, устанавливать причинно-следственные связи событий, осознавать противоречивый характер общественных процессов [15, с. 71]. При этом люди все глубже вовлекаются в существование, близкое к механическому, в рамках которого их природные способности и потребности искажаются; массовую культуру в ее наиболее примитивных образцах они начинают воспринимать как единственно приемлемую, а место идеалов в их сознаниях занимают внешне навязываемые и при этом калейдоскопически меняющиеся предельно приземленные цели.

Знаково-символически опосредованные результаты социокультурных изменений, происходящих как в нашей, так и в других странах, делают представления людей о действительности принципиально неверными. Однако это обычно не мешает людям, сжившимся с представлениями такого рода, успешно ориентироваться в доступных им фрагментах социокультурного пространства. И это не удивительно, если принять во внимание то, что их искаженные представления о действительности практически не противоречат ей самой (по крайней мере, всему тому, что находится на ее «поверхности»).

Примитивные культурные потребности, склонность к потребительству, позитивное принятие «теневых практик» и готовность участвовать в их реализации – вот неполный перечень тех свойств, которые сегодня, с одной стороны, уже во многом присущи «массовому человеку» и, с другой стороны, весьма интенсивно прививаются ему окружающими социально-имитационными реалиями. Обладание таким комплексом свойств делает человека управляемым, что вполне соответствует интересам властных элит, играющих немаловажную роль в определении характера социокультурных изменений, разворачивающихся в обществе.

Обобщая все сказанное выше, отметим те социокультурные функции социальной имитации, которые мы считаем наиболее важными. Во-первых, технологизированные социально-имитационные практики эффективно используются для манипулирования сознанием людей; посредством этих практик социальные элиты сохраняют свой статус. Во-вторых, социальная имитация создает возможность квазиразрешения кризисов в обществе и связанных с ними конфликтов. В-третьих, на социально-имитационной основе в рамках вновь формирующихся вариантов социокультурной действительности происходит знаково-символическое воспроизводство прежних состояний общества. В-четвертых, существование в условиях господства социально-имитационных реалий делает

представление людей о действительности неверными, что, однако, не препятствует их успешному ориентированию в доступных им фрагментах социокультурного пространства.

Ссылки:

1. Шалин В.В. Имитация жизни – апокалипсис XXI века или новый социальный порядок // Имитация как принцип интолерантного поведения : сб. науч. тр. по материалам Всерос. науч.-просвет. конф. Краснодар, 2013. С. 5–13.
2. Волков Ю.Г.: 1) Имитационная личность в контексте социального. Ростов н/Д., 2012. 32 с. ; 2) Имитационные практики в обществе: социальный контекст. Ростов н/Д., 2012. 28 с. ; Креативность: творчество против имитации. М., 2013. 432 с. ; 3) Креативный класс Versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 43–58 ; 4) Общество имитации в условиях социального развития. Ростов н/Д., 2012. 32 с.
3. Волков Ю.Г. Креативность ...
4. Там же.
5. Рыбалка Е.А. Культура и имитация культуры: палеопсихологический механизм формирования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 3. С. 43–46.
6. Батюта Е.А. Компетентный потребитель в имитационной культуре // Омский научный вестник. 2008. № 5 (72). С. 122–125.
7. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. 184 с.
8. Грызова У.И. Символические средства социальных технологий в коммуникативных отношениях субъектов действия : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2013. 18 с.
9. Вальдман И.А. Инновационная деятельность и возможности преодоления имитационной парадигмы // Философия образования. 2009. № 1. С. 44–50.
10. Беляев И.А. Интенциональность целостного мироотношения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 1. С. 29–35.
11. Беляев И.А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей : монография. Оренбург, 2011. 360 с.
12. Резник Ю.М. Человек и его социальные практики // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. М., 2008. Вып. 2. С. 84–102.
13. Там же.
14. Там же.
15. Евдокимов В.А. Инновации в политике: эффект имитации и имитация эффекта // Омский научный вестник. 2014. № 5 (132). С. 71–73.

References:

1. Volkov, VV 2013, 'Imitation of Life - the apocalypse of the XXI century and the new social order as a principle of imitation', *Intolerant behavior: sat. scientific. tr. by proc. scientific-clearance. conf.*, Krasnodar, pp. 5-13.
2. Volkov, YG 2012, *Simulation in the context of social identity*, Rostov n/d., p. 32; Volkov, YG 2012, *Simulation of practice in the community: social context*, Rostov n/d., p. 28; Volkov, YG 2013, *Creativity: Creativity against imitation*, Moscow, p. 432; Volkov, YG 2012, 'Creative Class Versus simulation practices', *Humanists in southern Russia*, no. 1, pp. 43-58; Volkov, YG 2012, *Simulation in a society of social development*, Rostov n/d., p. 32.
3. Volkov, YG 2013, *Creativity: Creativity against imitation*, Moscow, p. 432.
4. Volkov, YG 2013, *Creativity: Creativity against imitation*, Moscow, p. 432.
5. Rybalka, EA 2012, 'Culture and imitation culture paleopsihologicheskyy formation mechanism', *Humanities and social and economic sciences*, no. 3, pp. 43-46.
6. Batyuta, EA 2008, 'Adequate consumer culture in the simulation', *Scientific Herald of Omsk*, no. 5 (72), pp. 122-125.
7. Debord, G 2000, *Society of the Spectacle*, Moscow, p. 184.
8. Gryzova, UI 2013, *The symbolic means of social technologies in the communication relations subjects of action*: PhD thesis abstract, Saratov, p. 18.
9. Waldman, IA 2009, 'Innovation and the possibility of overcoming the simulation paradigm', *Philosophy of Education*, no. 1, pp. 44-50.
10. Belyaev, IA 2007, 'Intentionality holistic mirootnosheniya', *Bulletin of the Orenburg State University*, no. 1, pp. 29-35.
11. Belyaev, IA 2011, *The integrity of the human aspect of the relationship of his abilities and needs*: monograph, Orenburg, p. 360.
12. Reznik, YM 2008, 'A man and his social practice', *The man yesterday and today: an interdisciplinary study*, Moscow, vol. 2, pp. 84-102.
13. Reznik, YM 2008, 'A man and his social practice', *The man yesterday and today: an interdisciplinary study*, Moscow, vol. 2, pp. 84-102.
14. Reznik, YM 2008, 'A man and his social practice', *The man yesterday and today: an interdisciplinary study*, Moscow, vol. 2, pp. 84-102.
15. Evdokimov, VA 2014, 'Innovation policy: the effect of imitation and imitation effect', *Scientific Herald of Omsk*, no. 5 (132), pp. 71-73.